

УДК 94 (517)

Цыбенов Базар Догсонович*канд. ист. наук, доцент,**старший научный сотрудник**отдела истории и культуры Центральной Азии**Института монголоведения, буддологии и тибетологии**Сибирского отделения Российской академии наук**E-mail: bazar75@mail.ru***Курас Леонид Владимирович***Д-р ист. наук, профессор**главный научный сотрудник**отдела истории и культуры Центральной Азии**Института монголоведения, буддологии и тибетологии**Сибирского отделения Российской академии наук**E-mail: kuraslv@yandex.ru*

ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И МНР В 1936-1940 ГГ.

Аннотация. В докладе изучены вопросы советско-монгольского сотрудничества в военной сфере в 1936-1940 годы, рассматривается военно-техническая помощь СССР монгольской армии, участие в совместных боевых действиях на р. Халхин-гол в 1939 г.

Ключевые слова: СССР, МНР, Халхин-гол, военное сотрудничество, Красная Армия, монгольская армия, артиллерия, 28-29 мая 1939 г., 6-я кавалерийская дивизия.

Bazar D. Tsybenov*PhD in History, Associate Professor,**Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS***Leonid V. Kuras***Doctor of History, Professor,**Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS*

KHALKHIN-GOL. STRENGTHENING THE SOVIET-MONGOLIAN COMBAT COMMUNITY

Abstract. The article tells about the Soviet-Mongolian cooperation in military sphere in the 1936-1940 years. The article discusses some issues about the Soviet help to Mongolian army and joint operations against Japanese army near the river Khalkhin-gol in the 1939.

Keywords: USSR, MNR, Khalkhin-gol, military cooperation, Red Army, Mongolian army, artillery, 28-29 may, 1939, the sixth cavalry division.

Первая половина XX в. для монголов стала периодом борьбы за независимость. Российская империя, а затем и Союз Советских Социалистических Республик (далее – СССР), исходя из своих национальных интересов, поддерживали стремление монгольского народа создать национальное государство. Основа для тесного сотрудничества между СССР и Монгольской Народной Республикой (далее – МНР) была заложена еще в самом начале XX в., когда Российская империя потерпела неожиданное, как тогда казалось, поражение в русско-японской войне, и начала уделять пристальное внимание азиатскому направлению внешней политики. Необходимо отметить, что в этот период важное стратегическое значение для ведущих держав Азиатско-Тихоокеанского региона, таких как Россия, Китай и Япония в этот период приобрели Внешняя Монголия и Маньчжурия. Для Китая же было важным не потерять окончательно свое влияние на Тибет, Синьцзян и Внешнюю Монголию и по возможности укрепить свои позиции в этих регионах. Позиция России в монгольском вопросе была больше оборонительной (создание дружественного буферного государства), в отличие от японской внешней политики, которую можно обозначить как наступательную [16].

После победы Монгольской народно-демократической революции 1921 г. перед новым государством встала задача всемерного укрепления своей обороноспособности в условиях усложняющейся геополитической расстановки сил на международной арене [15]. Вооруженные силы МНР начали защищать государственные границы протяженностью около двух тысяч километров, по ту сторону которых находился раздираемый милитаристскими группировками Китай и с 1932 г. японские войска, захватившие Северо-Восточный Китай. В феврале 1932 г. Центральный Комитет Монгольской Народно-Революционной Партии (далее – ЦК МНРП), правительство МНР и ряд общественных организаций опубликовали специальное заявление, в котором призывали население МНР соблюдать высокую бдительность, ни на минуту не забывая о том, что японская военщина засылает и будет засылать в МНР своих шпионов и диверсантов [1, с. 13]. Дальнейшие военные действия, начатые Японией в Азиатско-Тихоокеанском регионе в середине 30-х гг. XX в. затронули и пограничные территории Советского Союза и Монгольской Народной Республики. Потерпев поражение от частей Красной Армии в Приморье у озера Хасан в 1938 г., военные круги Японии решились на очередную разведку боем, местом противостояния был выбран район реки Халхин-гол. Идея захвата МНР особо привлекала японскую военщину. Наиболее ярким образцом подобных замыслов можно считать рассуждения генерал-лейтенанта Сато Кюкацу в написанной им книге «Маньчжуро-монгольская проблема и наша континентальная политика» (ноябрь 1931 г.) Сато развернул следующую программу японской экспансии на континенте: 1) столица Японии должна быть перенесена с острова на континент, временно – в Корею, а затем – в Маньчжурию или Монголию; 2) Монголия должна быть захвачена; 3) необходимо создать новую железнодорожную систему, связывающую воедино Корею, Маньчжурию и Монголию, в дальнейшем эта железнодорожная сеть должна быть распространена на Восточную Сибирь; 4) нужно начать разработку

горных богатств Внутренней Монголии, создав на ее территории в первую очередь мощную металлургию; 5) должно быть произведено переселение корейцев в Монголию для того, чтобы при помощи эмигрантов создать там сельское хозяйство и освоить страну [2, с. 85]. По данным исследовательницы советско-монгольского военного сотрудничества Ж.Б. Жалсаповой, проанализировавшей многие японские и маньчжурские газетные публикации, милитаристские круги Токио стремились получить в лице МНР выгодный плацдарм на границах с Советским Союзом. Планы претворялись в жизнь в рамках реализации стратегии создания «конфедерации азиатских народов» под руководством Японии. Эта идея была выражена в обращении к населению МНР президента Департамента Хинганских дел, объединяющего монгольское население Маньчжоу-Го, Чжа Кара с воззванием присоединиться к «новому порядку». Отметив, что внешние монголы принадлежат к той самой расе, к которой относятся маньчжуры, японцы, китайцы, китайские мусульмане, он призвал население Монголии освободиться от советского влияния и присоединиться к маньчжурскому народу [3, с. 126–127].

Вдоль границ МНР строились укрепления, к ним подводили шоссейные и железные дороги. Однако, эти и другие подобные планы японской военной элиты не сумели осуществиться, встретив серьезный отпор СССР и МНР. В битвах на р. Халхин-гол в 1939 г. Советский Союз пришел на помощь монгольской армии, руководствуясь пактом о взаимопомощи 1936 г., где статья вторая указывала, что в случае нападения на одну из договаривающихся сторон СССР и МНР окажут друг другу всяческую, в том числе и военную, помощь. В заявлении И.В. Сталина от 1 марта 1936 г. говорилось: «В случае, если Япония решиться напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике... Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 году» [3, с. 126-127]. Это заявление Сталина имело большое значение для национальной безопасности Монголии в свете японского проникновения в регион. 12 марта 1936 г. СССР подписал с правительством МНР Протокол о взаимной помощи, суть которого состояла в том, что если Япония попытается оккупировать Внешнюю Монголию, то это неминуемо приведет ее к войне с СССР. В соответствии с протоколом на территории Монголии сроком на 10 лет были размещены советские войска. В августе 1937 г. начался дополнительный ввод советских войск на монгольскую территорию. К октябрю 1937 г. там было сосредоточено до 30 тыс. личного состава, 280 броневых автомобилей и 265 танков. Эти войска были объединены в 57-й особый корпус со штабом в г. Улан-Батор. На аэродромах МНР стало базироваться более сотни советских самолетов. В состав корпуса вошли мотострелковая дивизия, отдельный броневой полк, кавалерийская и авиационная бригады, части связи. Шесть автомобильных батальонов с 5 тыс. автомашин обеспечивали транспортировку и снабжение войск¹⁷. К 25 мая 1939 г. численность этих войск, входивших в 57-й особый стрелковый корпус и принимавших участие в первых боях на Халхин-голе, составляла 5544 человека [5, с. 373]. Подписание в 1936 г. совместного

¹⁷ Славинский Б. Халхин-гол в 1939 г.: как это было // <http://www.japantoday.ru>

советско-монгольского документа вызвало также и крайне отрицательную реакцию официального правительства Гоминьдана, посчитавшего данный документ вмешательством во внутренние дела Китая. Однако затем, при подписании советско-китайского договора 1937 г., обе стороны вновь подтвердили свою прежнюю совместную позицию относительно статуса Монголии как составной части Китая. В свою очередь, руководство МНР неоднократно давало понять, что не признает для себя обязательными эти договоренности и считает Монголию суверенным независимым государством.

Боевые действия на восточной границе МНР, вызванные японской провокацией, происходили весной 1936 г., точнее с 29 марта по 1 апреля 1936 г. в районе оз. Буир-нур. Из доклада военного советника Л.Я. Вайнера от 30 апреля 1936 г. видно, что в составе 6-й кавалерийской дивизии Монгольской Народно-Революционной Армии имелся русский отряд в составе: 6 станковых пулеметов на 5 грузовых машинах – 35 человек, в составе сводной авиабригады находились русские штурмовой и истребительный отряды. Описанные в докладе боевые эпизоды можно охарактеризовать как полные, с применением авиации, танков, бронемашин. Например, 29 марта 1936 г. два самолета монгольского штурмового отряда и пограничники заставы Булын-Дэрсу открыли огонь по углубившемуся на 8 км. вглубь территории МНР вражескому отряду. В ходе преследования были взяты в плен два офицера (подполковник, инструктор артиллерии и капитан, зав. оружием, по национальности оба японцы), три солдата (один ефрейтор, кореец по национальности; второй – рядовой, кореец; третий – рядовой 1 ранга 7-го баргутского полка, по национальности бурят, в бою был ранен) [6, с. 15]. Эти данные позволяют сделать предварительные выводы о национальном составе командного и рядового состава ударных отрядов противника. Русская авиабригада и русский пулеметный отряд (4 станковых пулемета на 4 машинах) вступили в бой 31 марта 1936 г. В итоге боя мотобронечасть противника в составе 10 легких танков, около 70 грузовых машин, с пехотой и спешенной конницей, 1-2 батареи, 4 легкомоторных самолетов и 5 истребителей, всего около 900 человек, с большими потерями были вынуждены отойти на свою территорию. Как самый главный итог, боя военный советник справедливо отмечал, что «в войсках Монгольской Народно-Революционной Армии на деле полностью опровергнуто ходячее мнение о мнимой непобедимости японских частей. Появилась уверенность в свои силы и в свое оружие, т.е. все необходимое для упорной и настойчивой боевой подготовки войск к предстоящим боям. И наконец, этот бой дал возможность сделать целый ряд практических выводов, имеющих неизмеримо большее значение, чем выводы любых учений и маневров, так как эти выводы подтверждены кровью» [6, с. 25].

В 1937 г., как и в СССР, в Монголии прошла самая сильная волна репрессий, которыми руководил Хорлоогийн Чойбалсан. В армии было уничтожено до 80 % высшего командного состава. Слабость монгольской армии, подвергшейся широкомасштабной чистке, компенсировали советские войска, отбившие в мае 1939 г. нападение японских войск на территорию МНР в районе реки Халхин-Гол (во Внутренней Монголии КНР его знают как «Номон-ханы байлдаан»; в

американской и японской историографии термин «Халхин-Гол» употребляется только для наименования реки, а сам военный конфликт также называется «инцидентом у Номон-Хана», по названию одной из высот в этом районе маньчжуро-монгольской границы). Конфликт был неизбежен, ибо две военные державы Япония и СССР, действовали в соответствии с собственными интересами, руководствуясь в своих поступках обидами и амбициями, которых у обеих сторон было достаточно. И СССР, и Япония в этом конфликте проверили свои силы и силы союзников в лице халха-монголов и южных монголов. Заметим, что исходя из позиций политического реализма, этим державам постоянно нужно было знать сравнительную эффективность своих сил. Можно сказать, что конфликт между государствами был так же неизбежен, как неизменны дефекты человеческой природы. Американский историк Д. Макшерри в связи с японским поражением в районе Халхин-Гола, писал, что «демонстрация советской военной мощи в боях на Халхин-Голе имела далеко идущие последствия. Она показала японцам, что большая война против СССР будет для них катастрофой... Вместо оккупации всей Восточной Сибири, которую они могли произвести после германского нападения на Европейскую Россию, японцы, не поддавшись на искушение, осуществили планы нападения на Сингапур, Филиппины и Индонезию»¹⁸. Большую роль в укреплении обороноспособности МНР и СССР сыграла также информация Р. Зорге о намерениях Японии, вызвавшая перевооружение монгольских частей и группировки советских войск в Монголии более совершенной боевой техникой и вооружением в пределах 10 месяцев [5, с. 375].

В мае 1939 г. японские войска начали проводить различные провокационные действия (обстрелы, переходы границы) на участке реки Халхин-Гол. Этот участок монгольской границы оставался не до конца разрешенным, отсутствовали какие-либо демаркационные линии, на документах, подписанных правительством МНР и Маньчжоу-го, имелись разночтения относительно Халхин-Гола. Караулы монгольских пограничников располагались на расстоянии 10–20 км, что затрудняло им проводить обходы своих участков, к тому же простые скотоводы – халха-монголы и баргуты (одна из этнических групп монголов Внутренней Монголии) достаточно свободно пересекали границу в поисках лучших пастбищ. Между ними издавна существовали тесные взаимосвязи, о них, к примеру, свидетельствует история о халха-монголе, который женился на баргутке и откочевал с ними в сторону Хайлара, к тому времени являвшемуся одним из крупных городов Маньчжоу-го. Он вернулся на Халхин-Гол уже в качестве солдата одного из баргутских конных отрядов, входивших в состав японской группировки войск и погиб в бою против своих сородичей. По мнению китайских учёных Сю Чжанцзянь, Лю Чжун и Суяя, принимавших участие в недавно прошедшем VII международном научном симпозиуме под названием «Комплексное изучение боёв Халхин-Гола и Номунхана» (09 августа 2014 г., г. Улан-Батор), монгольские части армии Маньчжоу-Го не хотели участвовать в братоубийственной войне и массово дезертировали¹⁹.

¹⁸ Славинский Б. Халхин-гол в 1939 г.: как это было // <http://www.japantoday.ru>

¹⁹ Батын Дорж Халхин-Гол: это была война // <http://asiarussia.ru/articles/3907/>

В июне 1939 г. советско-монгольские войска отбросили вторгнувшиеся японские части в район государственной границы МНР. Японское командование начало подготовку к решающему сражению, в начале августа была сформирована 6-я японская армия численностью 75 тыс. человек, имевшая в своем составе 500 орудий, 182 танка. Для авиационной поддержки выделялось свыше 300 самолетов. Советско-монгольские войска, сведенные к тому времени в 1-ю армейскую группу под командованием комкора Г.К. Жукова, насчитывали 57 тыс. человек и имели в своем составе 542 орудия и миномета, 498 танков, 385 бронемашин и 515 самолетов [5, с. 373]. Решающие сражения начались 20 августа 1939 г. Упредив противника, советско-монгольские войска перешли в наступление и к 23 августа осуществили окружение всей японской группировки, которая к исходу 31 августа была полностью разгромлена. Советско-монгольские войска вышли на границу с Маньчжоу-го на всем ее протяжении. 16 сентября 1939 г. боевые действия были прекращены и начались переговоры.

По данным начальника Михайловской военной артиллерийской академии (Россия, г. Санкт-Петербург), кандидата исторических наук, доцента В.В. Дятлова, важную роль в боях на Халхин-Голе сыграла советская артиллерия. В конце мая 1939 г. в боях участвовало 28 советских и 18 японских орудий. В ряде моментов именно артиллерия спасала положение советских войск. Например, 28 мая эффективные действия советской артиллерии под командованием старшего лейтенанта Ю.Б. Вахтина способствовали отражению атаки японо-баргутских войск на мост на р. Халхин-Гол, возведённый советскими сапёрами. В начале июля 1939 г. командир 23-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант М. Комацубара признал, что именно огонь советской артиллерии не позволил его частям выполнить поставленную задачу по окружению и уничтожению советско-монгольских частей. Недостатком в действиях советских войск являлось, по мнению В.В. Дятлова, отсутствие эффективного взаимодействия артиллерии с пехотой и танками, что отразилось на потерях наступающих советско-монгольских войск. Выявлены следующие недостатки: 1) после огневого налёта артиллерии пехота со значительным опозданием переходила в атаку, что давало противнику возможность подготовиться к ее отражению; 2) слабо взаимодействовали войска в сражении на горе Баин-Цаган, занятой противником после форсирования Халхин-Гола в ночь со 2 на 3 июля 1939 г. Атаки советских мотоброневых и танковой бригады на перешедшего к обороне противника осуществлялись не одновременно, без поддержки артиллерией. В результате 3 июля наступающие потеряли 77 танков и 37 бронемашин (около 60 % бронеобъектов, участвующих в атаках); 3) 23 августа 1939 г. танковая рота старшего лейтенанта Хлопова после выполнения обходного маневра вступила в бой с подразделениями 602 сп, приняв их за противника, ответным огнём батареи ПТО (противотанковых орудий) 5 танков роты Хлопова были подбиты и 2 сожжены. Таким образом, наглядно видны имевшие место недостатки во взаимодействии между артиллерией и танковыми частями, имевшие место в ходе боёв на р. Халхин-Гол [7, с. 5–6]. Однако, несмотря на эти недостатки во взаимодействии, в тяжёлых боях советская артиллерия продемонстрировала своё превосходство над японской артиллерией. Об этом

свидетельствует «Сводка о результатах боевой работы артиллерии за период с 27 мая по 28 августа 1939 г. р. Халхын Гол». Согласно этому документу, за период боёв по неполным и приближенным данным частей огнём советской артиллерии уничтожено малокалиберных орудий – 69, 75-мм. орудий – 55, 105-мм орудий – 6, зенитных орудий – 3, миномётов – 49, пулемётов – 117; подавлено артиллерийских батарей – 47, миномётных батарей – 21, пулемётных батарей – 30; подбито танков – 40, бронемашин – 29; разрушено наблюдательных пунктов – 21, блиндажей – 55; взорвано складов с горючим – 2, складов с боеприпасами – 2. По подсчётам В.В. Дятлова, прослеживается возрастание роли артиллерии как основного средства поражения: в русско-японской войне (1904-1905 гг.) потери японских войск от огня русской артиллерии составляли до 23 %, в вооружённом конфликте у оз. Хасан (1938 г.) – до 37 %, а в конфликте на р. Халхин-Гол они возросли до 53 % от общих потерь [7, с. 8–9].

На Халхин-Голе боевое крещение приняли 6-я и 8-я кавалерийские дивизии МНРА общей численностью около 2260 чел., из них командиров – 862 человек [8, с. 52]. Из состава военно-воздушных сил 9 монгольских экипажей совершили 20 самолетовылетов, выполняя задание по ночной бомбежке противника.

С 17 мая 1939 г. участие во всех боях принимала 6-я кавалерийская дивизия Монгольской Народно-Революционной Армии (МНРА). Перед ней была поставлена задача, начиная с 19 мая провести разведку с целью установить состав, группировку и фланги противника, занимавшего территорию в районе р. Хайластынгол (приток р. Халхин-гол). Командованием 57-го Особого корпуса было приказано «в бой не ввязываться». Именно эта оговорка препятствовала разведывательному отряду 6-й кавалерийской дивизии получению более детальных данных о противнике. Положение усложнялось дальним расстоянием и непрерывным воздействием авиации противника. Тем не менее, 6-я кавалерийская дивизия с 23 мая занимала оборону восточного берега р. Халхин-Гол, с 27 мая имея также тылы на западном берегу реки. Тем временем, к исходу дня 27 мая в район Номун-Хан-Бурд-Обо японцы подтянули часть 64-го пехотного полка, разведывательный отряд дивизии, моторизованную роту капитана Ковано, 8-й баргутский кавалерийский полк, часть 1-го и 7-го кавалерийского полков. Всего японцы стянули сюда свыше 1500 штыков, 1000 сабель, до 75 станковых и ручных пулеметов, 12 орудий, 6-8 бронемашин и до 40 боевых самолетов [9, с. 18]. По другим данным, японские силы под командованием полковника Ямагата составляли 1680 штыков, 900 сабель, 75 пулемётов, 18 орудий, 6–8 бронемашин и 1 танк. В составе советско-монгольских войск было 668 штыков, 260 сабель, 58 пулемётов, 20 орудий и 39 бронемашин. Рассмотрим совместные действия 6-й кавалерийской дивизии Монгольской Народно-Революционной Армии и частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) в боях 28–29 мая.

28 мая 1939 г. Утром 28 мая в 5 часов противник перешел в наступление на левом фланге советско-монгольских войск, затем на центр обороны и на правый фланг. Несмотря на то, что появились панические донесения об «окружении» 6-й кавалерийской дивизии и 11-го саперного батальона, частям 6-й кавалерийской дивизии было отдано распоряжение о принятии боя на месте. Позже

проводная связь командного пункта дивизии с частями была прервана, и части вели бой самостоятельно. Противник попытался охватить оборону с тыла, и против него была выдвинута дивизионная школа 6-й кавалерийской дивизии. Однако наступление дивизионной школы было прервано ошибочным обстрелом советской артиллерии, открывшей огонь с западного берега р. Халхин-гол. Имея потери от огня противника и артиллерии, основной частью присоединилась к отходящему 15-у кавалерийскому полку, часть школы растерялась и выходила неорганизованно. Командир дивизии Шарийбу, находившийся в школе, пропал без вести. Позже он был найден убитым [6, с. 39].

Действия 15-го кавалерийского полка также были продиктованы сложившейся ситуацией – выходом в тыл противника. Утром 28 мая 15-й кавалерийский полк атаковал группу пехоты, подъехавшую на трех грузовых машинах, и нанёс противнику потери. После получения распоряжения о выделении двух взводов для командного пункта, полк снялся из района обороны. Третий взвод отходил беспорядочно, часть его была присоединена к 17-у кавалерийскому полку, а часть вышла к командному пункту. Уход с позиций 15-го кавалерийского полка вынудил отойти 2-ю роту 11-го саперного батальона в долину р. Хайластын-гол.

17-й кавалерийский полк вел бой с конницей противника, огнем и короткой контратакой нанес поражение и захватил 12 пленных, принадлежащих к 1-у баргутскому кавалерийскому полку [6, с. 40].

Около 10 часов утра артиллерийский дивизион 6-й кавалерийской дивизии получил распоряжение отвести одну батарею для прикрытия переправы, однако из-за пулеметного и артиллерийского огня и видя отход дивизионной школы, начал отход к переправе через р. Халхин-гол.

Отошедшие в долину р. Хайластын-гол советско-монгольские части в составе 2-й роты 11-го саперного батальона, кавалерийский взвод 6-й кавалерийской дивизии и бронедивизион 6-й кавалерийской дивизии получили задачу атаковать противника в северо-западном направлении, через командный пункт. Несогласованность действий привела к выходу из боя и отходу сначала 2-й роты, затем кавалерийского взвода и бронедивизиона.

Необходимо отметить решительные действия бронедивизиона 6-й кавалерийской дивизии, который шесть раз переходил в атаку эскадронами средних бронемашин. Около 17 часов во время шестой атаки на двигавшуюся в грузовых машинах пехоту противника, бронедивизион нанес противнику потери. Потери бронедивизиона в ходе этого боя: 2 бронемшины сгорели (экипаж одной из них погиб полностью), 3 бронемшины застряли в песках. В 19 часов 30 мин. по приказу комиссара 6-й кавалерийской дивизии начался отход бронедивизиона и 17-го кавалерийского полка.

Упорно дралась 3-я рота 11 саперного батальона, которая имея приказ об отходе, район обороны не оставляла и начала отход лишь в 17 часов. Остановившись на восточном берегу Халхин-Гола, прикрыла отход сводного эскадрона и 17-го кавалерийского полка 6-й кавалерийской дивизии, после чего сама перешла около 21 часа на западный берег р. Халхин-Гол. Исходя из событий вечера 28 мая 1939 г. можно полагать, что к вечеру взаимодействие между советско-

монгольскими частями было в большей степени налажено. О согласованных советско-монгольских действиях свидетельствуют факты вывода батарей артиллерийского дивизиона 6-й кавалерийской дивизии на огневые позиции: 1-я батарея расположилась на правом фланге саперной роты, 2-я батарея – в промежутке между саперной и 1-й ротой отряда Быкова; пулеметный взвод 6-й кавалерийской дивизии был введен в бой в центре боевого расположения саперной роты. До 19 часов эти части и поддерживающие их с западного берега р. Халхин-гол две батареи сдержали противника в районе переправы и нанесли ему серьезное поражение [6, с. 41].

Наряду с столкновениями наземных войск имели место также столкновения авиации. 28 мая 1939 г. группа японских истребителей и бомбардировщиков, нарушив границу, неожиданно напала на два полевых аэродрома монгольской армии. Застигнутые врасплох монгольско-советские истребители поднялись в воздух с некоторым опозданием, что дало противнику преимущество. В этом бою монгольско-советская авиация потеряла 9 самолетов, а японцы – 3 самолета. В конечном счете японские самолеты были вынуждены поспешно отступить на свои базы [11, с. 414].

29 мая 1939 г. 6-я кавалерийская дивизия располагалась в районе переправы. В 12 часов два усиленных эскадрона 6-й кавалерийской дивизии получили задачу обеспечить правый фланг наступающих частей Ремизова и Быкова и вести разведку по гребню холмов южного берега долины р. Хайластын-гол. Попав под артиллерийский огонь противника, и не наладив связи и взаимодействия с отступавшей к тому времени частью Быкова, около 18 часов эскадроны отошли к р. Халхин-гол.

В целом, в результате контрнаступления советско-монгольских войск 29 мая 1939 г. японские части были оттеснены на исходные позиции [17].

Выводы из боев 28–29 мая 1939 г.: 6-я кавалерийская дивизия МНРА впервые в истории МНРА получила первое боевое крещение в боях с применением артиллерии и авиации. В первых боях 28–29 мая 1939 г. были выявлены проблемы в организации, выразившиеся в беспорядочном отходе (позже, в июле-августе 1939 г. несогласованности стало гораздо меньше – *авт.*). Командиры Монгольской Народно-Революционной Армии, попав в ситуации, требующие принятия оперативных решений, зачастую оказывались не готовы принимать решения в условиях цейтнота и быстро меняющейся обстановки. В то же время четко прослеживается высокий боевой облик бойца Монгольской Народно-Революционной Армии в ходе сражений. Выше мы отмечали, что первые столкновения с частями баргутской конницы показали превосходство конницы Монгольской Народно-Революционной Армии (17-й кавалерийский полк в результате контратаки захватил 12 пленных 1-го баргутского кавалерийского полка). Бронедивизион 6-й кавалерийской дивизии 28 мая 1939 г. шесть раз атаковал противника. Конечно, это были лишь первые сражения, тяжелые для недостаточно подготовленных к таким условиям боя монгольских военных кадров. Впоследствии, к концу конфликта 6-я и 8-я кавалерийские дивизии МНРА впитали и

усвоили лучшие стороны и опыт боев, среди командиров выковалось хорошее и крепкое ядро [18].

В боях 28–29 мая 1939 г. японо-баргутским войскам не удалось достигнуть успехов. Отряды подполковника Адзумо и капитана Ковано были почти полностью уничтожены артиллерийским и пулеметным огнем батарей РККА и МНРА. Противник потерял более 400 человек убитыми и отступил на свою территорию, в район Джин-Джин Сумэ [9, с. 19]. 6-я кавалерийская дивизия Монгольской Народно-Революционной Армии потеряла в боях 28–29 мая 1939 г. 40 человек убитыми и 70 ранеными [12, с. 9].

Ко времени халхин-гольских событий 1939 г. правительством МНР уже были приняты меры для увеличения боеготовности вооруженных сил. По сравнению с 1934 г. на 30% увеличился офицерский и рядовой состав, армия начала оснащаться новейшим вооружением и техникой, военные расходы увеличились с 34,7% до 52,5%. Появились авиационные и бронетанковые части, при кавалерийских соединениях были созданы технические подразделения. В области оборонного строительства в 1937–1940 гг. были построены и сданы в эксплуатацию шоссейные дороги Сухэ-Батор – Улан-Батор и Ундурхан – Баян-Тумэн протяженностью более тысячи км. В 1939 г., в период халхингольских боев, была построена ширококолейная железная дорога Соловьевск – Баян-Тумэн протяженностью свыше 250 км. В 1941 г. на востоке страны было закончено строительство сети узкоколейных железных дорог протяженностью более 300 км., а также сооружена сеть аэродромов, ангаров, линий связи и других объектов. Курс, направленный на укрепление военного сотрудничества был продолжен после победы на Халхин-Голе и восстановления территориальной целостности МНР. В декабре 1939 г. состоялся визит премьер-министра МНР Х. Чойбалсана в Москву, где в числе обсуждаемых проблем было приглашение советских военных советников. Армия МНР нуждалась в квалифицированных специалистах военного дела, знающих тонкости стратегии и тактики введения боевых действий и имеющих непосредственный опыт участия в них. Согласно записке начальника ПУ РККА Л.З. Мехлиса от 3 июня 1940 г. в ЦК ВКП(б) в частях Монгольской Народно-Революционной Армии работают в качестве инструкторов командиры и политработники Красной Армии в количестве 479 чел., в том числе – членов ВКП(б) – 287, кандидатов ВКП(б) 73 и членов ВЛКСМ – 78. За годы Второй мировой войны советниками министра обороны МНР были назначены комдив бронетанковых войск Соколов (указ министерства обороны Монголии № 176 от 7 апреля 1941 г.), бывший военный советник в МНР в 1932-1934 гг., выпускник академии Ген-штаба В. Цейтлин (указ № 17 от 5 мая 1942 г.), бывший начальник разведывательного отдела Юго-Западного фронта, генерал-лейтенант И.Г. Рубин (указ № 42 от 28 мая 1943 г.). Они также возглавляли Генеральный штаб Монгольской народно-революционной армии. По просьбе правительства МНР Советский Союз содержал на свои средства 17-ю армию, сформированную 21 июня 1940 г. приказом Народного комиссара обороны СССР в Забайкальском военном округе на базе 1-й армейской группы. В состав войск Забайкальского фронта она вошла 15 сентября 1941 г.

Завершая, заметим, что в эти суровые месяцы с мая по август 1939 г. в районе реки Халхин-гол крепло боевое братство советского и монгольского народов и благодаря решительным действиям Красной Армии и Монгольской Народно-Революционной Армии Монголия сумела отстоять в 1939 г. свою независимость, а СССР смог ликвидировать угрозу внешней агрессии на восточных рубежах, и тем самым подготовить залог для последующей победы над Квантунской армией в августе 1945 г.

Список использованной литературы

1. Цаплин Ф.С. Советско-монгольское содружество в годы второй мировой войны. Москва: изд-во «Наука», 1964. С. 13.
2. Капица М.С., Иваненко В.И. Дружба, завоеванная в борьбе (советско-монгольские отношения). М., 1965. С. 85.
3. Жалсапова Ж.Б. Конфликт на монголо-маньчжурской границе 1939 года в отражении иностранной прессы: происхождение и начало // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 4 (142). История. Вып. 29. – С. 126–127.
4. Рощин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). М.: изд-во ИВ РАН, 1999. С. 259.
5. Гаврилов В.А. Халхин-Гол: «Инцидент» или фактор большой политики // Монгол улсын аюулгүй байдал: Монгол, Оросын судлаачдын үзэл бодол (сборник научных статей). Улан-Батор, 1999. С. 373.
6. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911-1946): сборник документов: в 2 ч. // сост. Кудрявцев И.И., Базаров Б.В., Ганжуров В.Ц., Хишигт Н. и др. – Москва-Улан-Удэ: издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. Ч.II. С. 15.
7. Дятлов В.В. Роль советской артиллерии в вооруженном конфликте на реке Халхин-гол // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – № 1-2 (17). – 2014. – С. 5–6.
8. Базаров Б.В. Битва на реке Халхин-Гол в свете восточно-азиатской геополитики // Халхин-Гол: 1939. Москва-Улан-Батор, 2009. С. 52.
9. Жуков Г.К. Что произошло у реки Халхин-Гол // Халхин-Гол: 1939. Москва-Улан-Батор, 2009. С. 18.
10. Российско-монгольское военное сотрудничество от Халхин-Гола до линкора «Миссури» (1939-1946 гг.): Сборник документов / науч. ред. Б.В. Базаров, Ч. Дашдаваа. – Улан-Удэ – Улан-Батор: Оттиск, 2011. – С. 39.
11. Советско-монгольские отношения. 1921-1974. Документы и материалы. Том 1-й. 1921-1940. / Отв. ред. И.С. Казакевич. -М.: Изд-во «Международные отношения», 1975. – С. 414.
12. Халхын голын баатрууд / ред. Л. Батцэнгэл. – Улан-Батор: Улсын хэвлэлийн газар, 1970. – С. 9.
13. Дашдаваа Ч. Историческое значение участия Монголии во Второй мировой войне // Вторая мировая война и Монголия. Сборник статей. Улан-Батор, 2005. С. 7.

14. Лузянин С.Г. Россия-Монголия-Китай в первой половине XX в. М., 2000. С. 206.
15. Равдангийн Болд. Международный военный трибунал для Дальнего Востока: «Японская операция на Халхин-Голе была агрессивной войной» / Равдангийн Болд // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20, № 1. — С. 25–53. — DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(1).25-53.
16. Кузьмин Ю.В. Новая трактовка истории войны на Халхин-Голе в 1939 г. или субъективный взгляд исследователя? / Ю.В. Кузьмин // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20, № 1. — С. 109–123. — DOI: 10.17150/23082588.2019.20(1).109-123.
17. Сеченов И.В. Неизвестный Халхин-Гол: подвиг артиллеристов / И.В. Сеченов // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20, № 1. — С. 66–79. — DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(1).66-79.
18. Смирнов С.В., Буяков А.М. Михаил Натаров — русский «герой» Халхин-Гола / С.В. Смирнов, А.М. Буяков // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20, № 1. — С. 54–65. — DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(1).54-65.

